

W 323
293

ДЕРЕВНЯ

в современной русской
художественной литературе

КН-ИЗД. „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ“

**ДЕРЕВНЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУС-
СКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ**

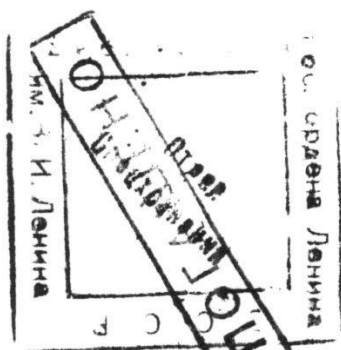
д.с.у.

*W 323
293*

912/кзчт.

Составил Н. А. СТОЛЛЯР
Предисловие
НИК. СМИРНОВА

ХХVI-14433.

52-6050

К-ВО „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ“
== МОСКВА—1926 ==

Артем Веселый.

Мандат *).

На желтом сахарном пакете: «... г. Ф. С. Великанов действительно командировается в революционные Хомутовскую и Белозерскую волости для руководства перевыборами сельсоветов и комбедов, а также разъяснять гражданам цели и задачи соввласти на местах. Полное доверие и всяческое содействие вплоть до приискательских подвод вне очереди».

Фильке Великанову под двадцать. За унылый рост и редкий голосок в слободке прозвали его Японцем. Филька Японец пылен, дробен, костляв, как чехоня, и рыло с узелок. С малых лет в работу втянутый. Сезоны с отцом малярничал. Две зимы в приходской голыми пятками сверкал. Выгнали за озорство. С отцом дружба врозь. Филька к столяру Михал Иванычу Рытову. В скорости хозяин Рытов на своих же именинах политурой опился. Филька, имея беспокойство в сердце и трешницу в кармане, с эшелонном сибиряков под Перемышль, Крево, Молодечно. Команда разведчиков, тах-та-рарах, георгий, липовая грабля, по чистой, ду-ду, пригрохал:

— Здорово, тятя.

Отец за печкой в гнезде вонючего тряпья гнил заживо. Слушал, слушал Филька охи отцовские, тоска проняла. Купил мышьяку для крыс, самогонки банку:

— Пей, тятя, поправляйся.

Много ли слабому человеку надо? В момент сварило.

Распушил Филька сундуки, купил двухрядку саратовскую. В синей суконной поддевичке нараспашку, в лакированных вышел к воротам, на скамейку. Развел гармонь, колокольчиками тряхнул.

Пришла послушать бойкая солдатка Дарья, да и осталась, поворотила к Фильке свои милости обильные. Притащила узел с добром, машину Зингер. Зажили гражданским. Дарья родная тетка сболтнула: «Мануфактуры, с места не сойти, по шесть аршин дают».

---

*) Из романа Артема Веселого „Страна родная“.

Молодые в исполком.

— Где тут записывают?

— Женитесь?

— Так точно, имеем страсть пожениться.

Мануфактуры, понятно, не дали. Но проходили не зрей, Ларивоныча встретили. Дьяк-расстрига, пьянчужка Ларивоныч Фильке ручку потряс и вдруг произносит:

— Как я заведу всеми вероисповеданьями и как помню твоего батюшку...

На другой день приделся Филька, нацепил георгия и в исполком. Ларивоныч своей рукой прошение вычурил, напептал Фильке на ухо и вдвоем шасть в кабинет к наибольшему.

— Вот-с, товарищ Капустин, глубокоуважаемый председатель, познакомьтесь. Сын трудового ремесленника, увечный воин желает прослужить народу, и подчёрк подходящий...

Капустин взглянул на подчёрк, на георгия, на жидкую рожицу в паутине мелкого волоса.

— Инструктором можешь быть?

— Так точно, могу.

Резолюция стрельнула по прошению с угла на угол: «Зачислить в штат раз'ездных инструкторов с 5/XI, испытание срок две недели».

...Ямская пара крыла накатанный большак. В просторах стыл извечный расейский колокольчик. Филька кутался в реквизированный, выданный на поездку тулуп, поминутно щупал под собой брезентовый портфель, туго набитый инструкциями, и бойко расспрашивал ямщика Петухова:

— И муки достать можно? А картошка почему? Молоко тоже страх люблю... Чехи—они гады, всех их передуть придется, чтоб не приключилось у нас новой чепухи.

Ямщик спал и всю дорогу тянул ууууу эээээ уууууу ыыыы... На крутых шиблях он тыкался носом в щиток, разбирал вожжи, взбивал падающий на глаза собачий ма-лахай и, привстав, указывал кнутовищем:

— Воон, воооон пошли...

— Где? Чево?

От островка леса цепочкой трусили серые. Тоненько лил льдистый ветер. Мел поземок, сумь. В снегах дымились теплые гнезда деревень.

— Зверья развелось боле чем скотины. Восейка у тестя на калде корову сожрали, одну трубуху оставили, во, прокляты...

По Хомутову вздулись огни.

В исполкоме новый председатель, Танек-Пронек, дела разбирал. Чадила плошка-сальник. По полу валялись мужики, бесперечь зыбали, лениво переговаривались.

Филька вошел и окостенелым языком еле выворотил:

— Аяй, холодно у вас, насилу доехали.

Веселый голос из угла:

— У нас холодно, а у вас аль хрухта пушится?

— Ннда, он, этот мороз-от, сопли высушит.

Инструктор валянки у порога обивал. Мужичьи голоса бубнили. глухо, ровно сытые болтала в ночном:

— С ковкой беда, жестель.

— Ковка ноне чево, и не говори.

— Ваш мандат, товарищ?

И еще кто-то вошел, крепко хлопнув дверь. Огонек в плошке дернулся и сгиб. Разживляли-разживляли, не тут-то было, сало выгорело. Филька тревожно щупал одубевший нос, в темноте жал руку председателю:

— Собранье вот общее, согласно инструкции, да сала бы где гусяного раздобыть.

— Сала мы достанем, а нацет собранья надо подумать...

В дегтярной черноте угрюмо загалдели:

— Чово тут думать, на ночь глядя.

— Аль останний час живем, дня не будет?

— Не выгонка, в сам деле.

— Выпча глаза...

— Ништо...

— Товарищ инструктор, а, товарищ, такое слово есть — глашатай — к чему оно?.. Весь вечер жуем, не разжуем...

Ночевал Филька у попа.

Покладистый да разговорчивый поп Выньямины шелкову бороду на палец вил, ложечкой в стакане играл, береженько вопросами обкладывал:

— Что в городе нового, да как Англия с Францией?

Филька усердно уминал блинчики, ватрушки, крендельки; протрясая с утра, а дорожный паек Дарье оставил, ведь любовь не хвост собачий. Булочки, варакушки хропал, пальцем этак рассеянно по столу водил:

— Европа, она что ж?.. Европа она — сука, извините, с буржуазией заодно... Обязательно ее бить придется, иначе останемся мы при пиковом интересе.

Петухи давно отславили, морозные узоры светлели на окне, а Филька все вникал в инструкцию, но туго. Азартно скреб под мышками, зло разбирало: и зачем эти европейские слова понатыканы? Чорт об них клыки раскрошит. Когда в комнатку вошла поповна звать гостя к чаю, Филька спал за столом, уронив голову на непонятные бумаги.

Утром сбили сход.

Всем селом целый день в'едались в инструкции и плу-тали в кривотолках. Филька парился. Его обмороженный, вздутый нос вызывал у мужиков смех. Спасибо председа-телю Таньку-Проньку: от него инструктор узнал, как кан-дидатов выбирать, как давать высказываться, как голосо-вать. Его неокрепший, мальчишеский голос тонул в гаме:

— Товарищи крестьяне, товарищи, прошу слова...

За три дня раскатил Филька у попа яиц сотню, распла-тился по твердым ценам, поехал в Вязовку раскольничье село толку молоканского.

Пути дороженьки расейские, ходить не исходить вас, радоваться, не нарадоваться. Заворожили вы сердце мое бро-дяжье, юное, как огонь. Приплясывая бежит оно в дали ра-дошные. Любы мне и светлые кольца веселых озер, и лени-вые развалы степей, и задумчивая прохлада мудрых лесов, и поля, поля пылающие аржаными пожарами. Любы мне и зимы, перекрытые лютыми морозами, любы и весны, разма-тывающие яростные шелка. И когда-нибудь, у придорож-ного костра, слушая цветную русскую песню, легко встречу свой последний, смертный час.

В город Филька воротился в нагрузе. Из саней в избу Дарья таскала мешки и мешочки, свертки и сверточки. Сам отснял глазевших баб и мальчишек.

— Проходи, проходи, не выворачивай буркалы, узорв-тут мало.

Чайничали втроем.

Филька приветливо угощал подводчика:

— Кушай, товарищ, кушай... Советская власть, она... Теперь у нас дело пойдет... Кушай, не бойся, сыр из не-мецких колонок.

Мужик поглядывал на привязанную под окнами лошадь и почтительно дул в блюдечко:

— Есь у нас на Мамычевых куторах мельница немудря-ща... Даа... Работала наша мельница нефтой, до старого режиму работала. Оно по нынешним временам, к примеру ска-сказать, поглядеть на ту нефту и то нету... Дааааа... Вот, то-варищ, об чем вашу милость я хотел просить...

— Загляни, любезный, через недельку, поговорим.

— Пожалуйста, нельзя ли как-нибудь, а уж мы отбла-годарим...

Умылся Филька, переоделся и—вон.

У исполкомского под'входа догнал его Ларивоныч. Пу-чок слов о том, пучок о сем—и к делу:

— Привез?

— Чо?

— Брось, ...валять, али не знаешь чево?

— Святой водички, штоль?

— Самой божьей благодати.

— Нету, Ларивоныч, пра ей бо, вот те крест, святая икона—нету. Разрази меня, порази меня, солнышка красного не взвидать, сам капли в рот не брал.

Трудно было поверить Фильке нащет капли-то: рыло облуплено, глаза дурные и голос в багровых трещинах. Ядовитую слюну глотнул дьяк, отрыгнул и плюнул инструктору на новый валянок:

— Ни совслужащий ты, а подлец. Порадел, как сыну родному, а ты саботажем платишь. Тьфу, собачья огрыза. Тьфу, сукин ты сын. Тьфу, анафема...

Уперев глаза в исполкомовскую дверь, уклеенную обязательными постановлениями, Филька отслушал молча и, по-нурый полез в организационно-инструкторский. Заву отпрапортовал:

— Прибытие мое благополучно, поездка увенчана успехом, а что касается Ларивоныча, словам его веры не давайте, будьте добры,—вышло у нас семейное недоразумение, и непременно возымеет он желание меня с'есть.

Зав оттолкнул его к секретарю, а секретарь и припер:

— Представьте доклад в письменной форме на предмет отчетности.

Филька и так и сяк и... об косяк, но все-таки не отвертелся. В секретарской папке, жирно залитой чернилами, вчитался в пару докладов «на предмет образца» и живой солдатской смекалкой вник.

Дома похмелился Филька последней бутылкой и, выгнав Дарью,—здраво рассуждая, что при сурьезном деле баба: болона,—навалился на доклад. С пятницы, с обеда, и до понедельника не вставал с табуретки, писал Филька доклад, хмурился и ругался. Жена ночевала по соседям и не раз с плачем стучалась в дверь:

— Отопри, ирод, от людей-то страмота.

— Уйди.

— Дьявол, изба-то кой день не топлена.

— Уйди, холера, не тревожь ты моего дикого сердца.

Глотая слезы, Дарья уходила, причитая на всю улицу:

«Господи, батюшка, и за что ты накачал на мою шею такого дурака! и как я век свой буду вековать».

Два карандаша исписал Филька. Утрясся доклад в пятьдесят листов с гаком, вот его косточки:

ДОКЛАТ ВКРАДЦАХ.

«Первый параграф прибытия моего приезда в савецкое село Хомутово того же уезда. где пришлось мне сделать внушение все бурно кричали долой где и перевыбран председателем мельник Утюгов зажиточный мельник но мужик добродушный за власть стоит обеими ногами что и затвердило общество.

Второй параграф посыпался на меня ряд вопросов по отделению церкви и пришлось мне создать вероисповеданье, а еще допросить о действиях испалкома за утекший срок стоит ли на платформе сове власти и трудового пролетарейта да стоит. На подначку я выбросил лозунг ура возражений не было и все мирно разошлись по домам. Хорошо поуженав улекся я спать начем и закончился второй параграф текущева дня.

А за утро хорошо позавтракав и забрав портфель иду на митенг по-крестьянски сказать на сходку где все бурно кричали долой. Я поинтересовался из-за чего такая ярманка. Один старик все крики согласно инструкции по перевыборам в камбед куда имеет страсть прорваться кузнец Танек-Пронек этот какой номер ему не праходит все против, а из-за чево против? На каком-то празднике настоящий кузнец все-народно и откровенно поносил божественную силу и простой народ от него всецело откачнулся и вдруг подают мне резолюцию каковую я не мог хладнокровно видеть».

«Заслушав в порядке дня вопрос серьезного разрешения о контрибуции и выборах комбеда, в котором матевируется к руководству взыскать к 1 декабрю с капитал-кулаков, капитал-спекулянтов и т. д. Принимая во внимание, что капитал-буржуазии у нас нет, а о. Виниамин бедного состояния—отказаться во всей сумме, также всем обществом, согласно твердо выраженной воли огромного большинства наотрез отказываемся от комитета бедноты, нужды в каковом не испытываем.

Председатель общего собрания граждан села
Хомутова Ив. Утюгов.
Секретарь Куньчин».

И дальше Филькин доклад:

«Испросив себе своего законного слова я гаварю без контребуцей невозможно и без комбеда обратно невозможно раз по всем городам и деревням русским кроет контребуция и комбеда невозможно чтоб Хомутово было на отличку. Крупный завернулся спор где и пришлось выбрать председателем

честь и гордость славный красноармеец Карпа Топоркова, секретарем к нему означенный кузнец Танек-Пронек фамилию не упомяну. С пеньем похоронного марша разошлись мы миролюбиво по домам, а еще така штука согласно постановления президюма проживал я у попа и за все с'едено выпито уплачено по твердым ценам об чем можете справица по почте или телеграфу. Хорошо поуженав уснул я как удушенный.

А утром потребовал лошадей получше и пришлось мне уехать в Вязовку неизвестной волости где меня приветливо и добродушно встретили честь и слава краса и гордость прекрасный товарищ Савоськин да знакомый крестьянин из простонародья Яков Карягин кулугурского вероисповедания. Повели меня вновь народный дом под заглавием Улыбка Слободы или театр деревенского развлечения с бесплатным входом, где повстречался в пьяном виде продагент печальный товарищ Синичкин и начал проверять мандат на каком основании нанес мне политические побои горько и обидно арестовал меня. Я как солдат врешь думаю не поддамся и заарестовал его шкурника позорящего под корень нашу драгоценную власть.

После чего прихватив с собой милицанера Акима Собакина пошел я с обыском к кулугуру товарищу Карягину где после тщетных усилий нашел я ведро кумышки нашел в печке заgrimировано заслонкой. Сын Карягина имя не упомяну рассказал в старом кооперативе открылся вновь народный дом, а старики поголовно против и ночью взломав дверь залезли в вышеозначенный народом, ободрали шпалеры, лавки переломали до одной, громофон топором посекали и девок актерок тоесть актрис через всю деревню нехорошими словами величают. Все кулугуры и безразлично молокоане че обращая внимания на соввласть крепко за бога господу держутся, а вчера чтоб умиловить стариков сажали их в первый ряд, на мягкие стулья, артистам на сцене было за прещено целоваться а что будет незнай.

Старик Карягин клялся божился будто пожертвовал в народом на вывеску старую дойницу и кумышку накурил на торжественное употребление по случаю женитьбы меньшака. Не откладывая устроили мы с Акимом вдвоем собрание и вдвоем порешили передать кумышку в исполком под расписку, посуда не виновата посуду воротить хозяину, наглядевшись на его мученические слезы на первый раз спустить, а в нарсуд передать уголовное дознание о подлеме замка в народоме.

Да здравствует народом в котором днем ребятишки учутся плохо дров нет, а село степное к примеру кнутника взять негде, воровать казенный лес крестьяне не подписываются

и учитель хочет наниматься в больницу фельшером который голубятник упал с крыши и разбился вдребезги.

В школе ужасная картина, окна в полном смысле паутиной подернуло, двери выломаны и даже убитого гражданина мешочника подкинули в ту школу то есть в учелеще. Продагента печального товарища Ласточкина не довелось мне еще раз увидеть и внушить а чека обязана взять его на заметку за сугубое отношение к ответственным работникам.

Доношу в тот же день в Вязовке состоялся чемпион китанический бой побоище. И старики и молодежь дрались полюбя но горячка возвышалась до кольев и поленьев, побитых и покалеченных ураган. Спрашиваю из-за чего увечите друг дружку, с плачем отвечают обычай у нас милый человек такой не нами заведен не нами и кончится.

А я так думаю от деревенской темноты это на них наслано и выходит что деревенский дурак в десять раз дурее городского, потому, хотя бой и в городе есть но когда наши слободские режут, терзают и всячески убивают соплевских или дубровских ребят, это уж будет не бой а драка каковая и при старом режиме каралась всеми статьями уголовного закона. Прошу и низко кланяюсь нашему хвала и гордость товарищу Капустину громыхнуть декретом в трезвом виде драки тяжелыми предметами запрещаются.

Время я провел в селе очень весело и множество народа как мужиков так и баб высыпало на улицу провожать меня и по моей просьбе хором спели похоронный марш в честь моего отъезда.

Дорываясь заехать в коммуны графа Орла Давыдова до нитки разграбленную неизвестными личностями, к великой жалости мне проведать не удалось и дурак ямщик с пьяных глаз завез меня в деревню Урайкино с мордовским народонаселением бедного состояния и пришлось мне собрать сход.

— Есть у вас совет?

— Нету.

— Есть комбед?

— Тоже самое.

— Чево же у вас есть?—спрашиваю.

— Ничево, товарищ, нет—ржанину пополам с мякиной едим, на пять дворов одна лошаденка осталась, голодная тоска задавила нас.

И пришлось мне собрать всех грамотных человек десять на деревню и выбрал я из них председателя и секретаря, а остальных членами назначил и объявил о присоединении нхой деревни к Советросии.

Бабы давай плакать, мужики креститься, а председатель солдат Судбищин закрутил ус смеется не робей православные помирать так всем вместе и открытым голосованием на месте порешили переименовать в мою честь Урайкину деревню в Великановку. Тогда пришлось мне потряхнуть портфелем и вытащить инструкцию о комбеде...»

Дальше больше—лопатай не провернешь.